

койне), либо распространившихся на большой территории (есть все основания предполагать наличие западного, дорийского койне).

Признание «диалектной сети» как нормального состояния языка характеризует всю историю греческого языка. Именно это положение способствовало консолидации греческого языка, позволило ему сохранить главенствующее положение даже при введении в Византии латинского языка в качестве государственного. Вплоть до настоящего времени признание диалектного варьирования языка как его нормального состояния, территориальная вариативность языка признается всеми членами социума (этнуса) как его постоянная, непременная составляющая и характеризует языковое сознание греков (эллинов).

При изучении истории русского языка становится очевидным, что отношение к локальным формам языка было прямо противоположным. Они не осознавались как целостная система, которая непременно должна быть задействована при создании высоких форм языка – литературного (поэтического и прозаического), делового или религиозного.

А.С. Сурова
Вологда

СВОЕОБРАЗИЕ АДЪЕКТИВНОЙ ГРУППЫ «ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕСА» В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ*

Тематическая группа адъективов, обозначающих признаки леса, в вологодских говорах обладает семантическим своеобразием, на которое следует обратить внимание. Лексемы этой группы имеют разные признаки адъективации (мотивировочные признаки), но вместе с тем дают сходные характеристики лесу.

Известно, что слово *лес* имеет два значения: ‘деревья, стоящие во множестве на корню, а также пространство, обильно заросшее деревьями’ и ‘срубленные деревья как строительный, поделочный и т. п. материал’ [МАС 2, 176]. Рассуждая об адъективах, относящихся к лесу, мы рассматриваем слово *лес* в его основном значении – ‘множество деревьев’.

В вологодских говорах лес чаще всего наделяется признаками не по характеру своей флоры (например, *сосновый* или *ягодный*), а по пригодности для строительства, т. е. для практических целей. Таким образом, диалектная личность, характеризуя растущий лес, обозначает те признаки, которые относятся к лесу уже как к строительному материалу.

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 08-04-00-268 а «Систематизация лексического фонда современных вологодских народных говоров».

В роли основного принципа адъективации выступает оценка пользы / бесполезности, а в основе всей тематической группы лежит оппозиция *строевой* / *нестроевой*. Видение леса с уклоном на одно его качество закономерно: «Региональный способ видения мира проявляется в эксплицированности в конкретном диалектном слове одной из возможных характеристик того или иного понятия, явления» [Гапонова: 9].

Рассмотрим адъективы, относящиеся к строевому лесу и несущие в себе положительную оценку.

СТРОЙНЫЙ, ая, ое. *Пригодный для строительства, строевой* [СВГ 10, 142]. Слово образовано от общерусского глагола *строить* с помощью суффикса *-н-* со значением ‘служащий, предназначенный для выполнения действия, названного мотивирующим словом’, т. е. *стройный* – ‘предназначенный для строительства’.

СТРЕЖЕВОЙ, ая, бе и **СТРЕЖОВЫЙ**, ая, ое. *Высокий и прямой, годный для построек, строевой (о лесе)* [СВГ 10, 139]. Прилагательное мотивировано существительным *стрёж*, м. / *стрёжь*, ж. ‘плотные годовые кольца ствола деревьев хвойных пород’ [СВГ 10, 139]. В региональных словарях представлен его омоним *стрез*, *стрёж*, *стрезжа́* ‘место наибольшей скорости и глубины в речном русле’ [СВГ 10, 142; СРНГ 41, 302; СРГК 6, 360]. Омонимы генетически родственны. Вслед за М. Фасмером отметим, что слово *стрез* изначально связано с быстротой движения, отсюда значение ‘самое глубокое место в реке с быстрым течением’ [Фасмер 3, 73], которое, по всей видимости, архаичнее значения, относящегося к стволу дерева. Быстрое течение в реке наблюдается, как правило, в её середине – так развиваются значения с семой ‘середина, сердцевина’. Дальнейшее развитие семантики слова предопределило то, что годовые кольца дерева, расположенные в его сердцевине, именуются *стрёжем*, а также появляется слово *стержень* в его современном значении (*стрёжьнь > стержень*).

В иллюстрации СВГ имеется небезынтересный контекст: «*Ёлка, пихта – это всё стрежовые деревья, у них стрёж хороший, значит, дерево хорошее*» [СВГ 10, 139]. Отсюда ясно, что *стрежовой*, строевой лес – лес с плотной, крепкой сердцевиной. В словарной статье не указано, что стрежовым может быть только хвойный лес (а это ясно из определения *стрёжа* и контекста). Между тем, в СРНГ отмечается, что в вологодских говорах *стрежовой*, *стрежовый*, *стрёжевый* значит ‘с мелкослойной крепкой древесиной (о сосне, сосновом лесе)’ [СРНГ 41, 302]. О ели, пихте в этом словаре нет упоминаний, и, как кажется, упущена важнейшая сема значения – ‘годный для построек, строевой’.

УДЕЛОЧНЫЙ, ая, ое. *Высокий и прямой, строевой (о лесе)*. [СВГ 11, 106]. Возможны два варианта образования этого слова. С одной стороны, СВГ содержит глагол *уделать* ‘привести в порядок, благоустроить’ [СВГ

11, 106], а в словаре В.И. Даля зафиксировано выражение «уделать свою избу» [Даль 4, 475]. Употребление глагола в таком контексте вполне могло привести к появлению производного прилагательного *уделочный* 'строевой', в котором формант *-очн-* имеет значение 'служащий, предназначенный для выполнения действия, названного мотивирующим словом'. С другой стороны, адъектив может быть образован от существительного *удёл* 'казённый лес' [СВГ 11, 106], при этом суффикс *-очн-* — это морф суффикса *-н-* со значением относительного прилагательного. В этом случае казённый лес мыслился, вероятно, как лес высокого качества.

ИЗБЯНОЙ, ая, ое. 1. *Годный для построек, высокий и прямой, строевой лес.* 2. *Употребляемый на постройки (о строительном материале, дереве)* (картотека СВГ). В данном слове красноречива мотивирующая база, в качестве её выступает именование постройки, материалом для которой может служить тот или иной растущий лес: *изба*. Лес на корню характеризуется в проекции — как строительный материал, иллюстрация основного значения ярко показывает это: «*Пошли в избяной лес деревья валить*». Лес с ещё живой листвой в мышлении диалектоносителя уже ассоциируется с избой, которую можно из него построить. Данное имя прилагательное отмечено только в вологодских говорах, где оно весьма распространено: Сокольский, Шекснинский, Кирилловский, Кичменгско-городецкий, Великоустюгский, Междуреченский районы.

КОНГОВЫЙ, ая, ое. *С мелкослойной древесиной, крепкий, прочный (о лесе, дереве).* [СВГ 3, 96]. Прилагательное явно образовано от слова *кónга*, однако в СВГ это существительное не зафиксировано, есть только его фонетический вариант *кóнда* 'сосновый строительный лес высокого качества' [СВГ 3, 96]. Но указаний на то, что *конговый* лес является сосновым, нет. Очевидно, что в вологодских говорах присутствует и существительное *конга*. Этот вариант первичен по отношению к *конда*, поскольку является древним финно-угорским заимствованием: *hongan* 'зрелая сосна' [Фасмер 2, 308–309]. Если в СВГ такого варианта нет, то СРНГ, СРГК и словарь В.И. Даля отмечают его существование именно в вологодских говорах [СРНГ 14, 245–246; СРГК 2, 411; Даль 2, 150]. Обобщая данные словарей, можно сказать, что *конга*, она же *конда*, в вологодских говорах имеет два противоположных значения: 'крепкое хвойное дерево, растущее на сухом месте' и 'высохшая на корню ель или сосна'. Любопытно, что прилагательное образовалось на основе только первого значения имени существительного. При этом в значении адъектива *конговый* исчезли семы 'хвойный' и 'растущий на сухом месте' (хотя в сознании диалектной личности они, возможно, все еще существуют), на первый план вышел признак прочности, т. е. пригодности для строительства.

КРЕМЛЁВЫЙ, ая, ое. 1. *Крепкий, прочный (о древесине).* 2. *Невысокий, кривоствольный, растущий на болоте (о лесе).* [СВГ 3, 122]. Данный

адъектив, как и предыдущий, характеризует прочность древесины или леса. Он образован от существительного *кремль*, которое этимологически восходит к слову *кремь* 'часть засеки, где растет лучший строевой лес' [Фасмер 2, 370–371]. Второе значение словарной дефиниции 'невысокий кривоствольный, растущий на болоте' не содержит параметра прочности, крепости, но в контексте он появляется: «в нём *деревья не тянутся кверху, крепнут*». Общим у двух лексико-семантических вариантов является признак 'крепость', иначе это были бы два разных слова-омонима. В СВГ зафиксировано также слово *кремлёна*, означающее 'изгиб, извилину' [СВГ 3, 123]. Вероятно, в семантике слова *кремлёвый* существует некая параллель между этим значением и семой 'кривоствольный'. Но значение самого существительного *кремлина*, тем не менее, сомнительно. В словаре дана только одна иллюстрация, поэтому мог иметь место субъективный фактор: информант слышал слово и сам истолковал его. В СРНГ приводится другое значение слова *кремлина*: 'дерево с крепкой, твердой древесиной' [СРНГ 15, 211]. Такая семантика более объективна, т. к. подтверждается внутренней формой и согласуется с основным значением однокоренного адъектива *кремлёвый*.

Рассмотрим адъективы, иллюстрирующие второй член оппозиции строевой / нестроевой. Интересны следующие лексические единицы.

МЯНДОВЫЙ и МЕНДОВЫЙ, ая, ое. 1. *Сосновый*. 2. *Имеющий неплотную, непрочную древесину* [СВГ 5, 17]. > МЕНДОВЫЙ ЛЕС. *Нестроевой лес* [СВГ 5, 17]. Адъектив *мяндовый* / *мендовый* приобрел антонимичную семантику: с одной стороны, это 'сосновый', а значит, 'очень крепкий' (*Лес-от мяндовый крепкой*); с другой стороны, 'нестроевой', 'с непрочной древесиной'. В.И. Даль указывает, что *мендовый лес* есть антоним *конгового леса* [Даль 2, 374]. Данные СРНГ и СРГК подтверждают это [СРНГ 18, 106; СРГК 3, 284], а следовательно, такой лес является некачественным, нестроевым. Однако корень производящего существительного *мянда* / *менда* заимствован из финно-угорских языков и обозначает 'сосна' [Фасмер 3, 30], поэтому значение 'сосновый' правомерно. Как замечает Е. Н. Шаброва, в данном случае на основе заимствованного слова сформировались устойчивые отношения словообразовательной мотивированности уже по общерусской модели: *мянда* → *мяндовый* // *сосна* → *сосновый* [Шаброва, 69].

Адъективы, относящиеся к нестроевому лесу и несущие в себе отрицательную оценку пользы / бесполезности, в качестве мотивирующего слова часто имеют наименование того места, где этот лес произрастает. Таким местом, как правило, является болото, т. к. некачественный лес произрастает именно на болоте: > СОХРИННЫЙ ЛЕС. *Низкий, нестроевой лес* [СВГ 10, 91]. > СОГРОВЫЙ ЛЕС. *Высокий, тонкий лес* [СВГ 10, 68].

Интересно, что эти два слова являются дериватами двух фонетических вариантов одного слова *сѡгрá* и *сѡхрá*, означающего 'низкое, болотистое место, поросшее лесом // низина' [СВГ 10, 67–68]. Это те леса, что растут на болотах. Несмотря на то, что *согровый* лес высокий, а *сохринный* – низкий (казалось бы, антонимы), основная их характеристика для диалектной личности – это непригодность для строительства. Указанный нюанс делает их семантику близкой, что подчеркнуто и наличием одного производящего слова.

СУХОДО́ЛИСТЫЙ, ая, ое. *Растущий на сухом месте рядом с болотом (на болоте)* [СВГ 10, 165]. Адъектив образован от существительного *суходѡл* со значением 'сухое место на болоте или около болота' [СВГ 10, 165]. В.И. Даль отмечает и антоним с аналогичной структурой *мокродѡл* [Даль 2, 340].

Имѣн прилагательных, характеризующих признаки леса, не связанные со строительством или другими видами крестьянской деятельности, в СВГ нашлось только три: *рахмáнистый*, *рахмáтый* 'с широко разросшимися ветвями, развесистый' [СВГ 9, 45] и *чѣрный* 'густой' [СВГ 12, 35]. Признаками адъективации в прилагательных *рахманистый*, *рахматый* стала степень разветвленности кроны. Этот адъектив используется лишь в отношении отдельного дерева. Признак адъективации для прилагательного *чѣрный* – оттенок леса при взгляде на него издалека. Производимое лесом впечатление связано с частотой деревьев.

Таким образом, мотивировочные признаки рассмотренных адъективов разные: назначение (*избяной*, *стройный*); место произрастания (*согровый*, *сохринный*, *суходолистый*); состав (*конговый*, *мендовый* и *мяндовый*); качество (*стрежевой*, *кремлёвый*). Однако их значения замкнуты в узком семантическом кругу прочности, крепости, пригодности для строительства. И так как именно прилагательные отражают наиболее значимые для человека признаки, то конкретно эти свойства леса наиболее важны для диалектоносителя. Лес, стоящий на корню, посредством адъективов вологодских говоров оценивается с точки зрения его пользы как строительного материала для жизни крестьянина.

Некоторая утилитарность диалектной личности по отношению к лесу проявляется и в том, что рассмотренные адъективы являются прилагательными относительными (исключение – *чѣрный лес*). Эти имена прилагательные не именуют свойства леса, воспринимаемые органами чувств, как это делали бы качественные адъективы. Относительные прилагательные лишь показывают отношение к чему-либо, т. е. несут в себе сущностные характеристики, наиболее значимые для практической деятельности.

Произведенный анализ семантики адъективов показал, что для диалектной личности очень важны практические свойства окружающей природы, то, как человек может применить их в своей деятельности.

Литература

Гапонова Ж.К. Лексика мологских (ярославских) говоров XIX–XX вв. (историко-лексикологический и этнолингвистический аспекты): Автореф. канд. дис. – Ярославль, 2008.

Шаброва Е.Н. Проблемы изучения мотивационных связей слов в диалектной речи в контексте подготовки морфемного словаря вологодских говоров // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сборник научных трудов. Ч. 3. – Вологда, 2009. – С. 67–72.

Словари

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М., 1994.

МАС – Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. В 4 т. – М., 1985.

СВГ – Словарь вологодских говоров / Под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной: Вып. 1–12. – Вологда, 1983–2007.

СОАН – Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия. – СПб., 1885.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Под ред. А.С. Герда. В 6 вып. – СПб., 1995 – 2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Вып. 1–41. – М. – Л., СПб., 1964–2007.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. – М., 2003.

О.Н. Сысоева
Череповец

ФОНЕТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЯ (на материале одного из северных говоров)

Понятие речевого портрета носителя языка не является новым в лингвистике. Идея его создания принадлежит М.В. Панову, описавшему ряд портретов государственных деятелей, писателей, ученых XVIII – XX вв. Отмечая значимость этих исследований, он подчеркивал: «Их назначение особое ... они возвращают читателя от фонетических абстракций к человеку» [Панов: 14]. К «портретированию» языковой личности обращаются и другие исследователи (Т.Г. Винокур, Т.И. Ерофеева, Е.А. Земская, Е.В. Иванцова, Л.П. Крысин, Т.М. Николаева, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова).